

Всё началось с безобидной просьбы председателя колхоза Ивана Егоровича Перевалова. Ранним утром, когда мы собрались ехать на сельский аэродром, к гостинице подъехал Иван Егорович и сказал, что в Еловку приезжают из города студентки-практикантки, и попросил отнестись к их приезду с пониманием, поскольку гостиница мала, и придётся немного потесниться. Работа наша в Еловке была сезонной, по договору, мы вносили с самолёта удобрения и пропальвали сорняки, и, образно говоря, были птицами залётными, поэтому просьбу председателя восприняли с пониманием.

Ещё со времён Протопопа Аввакума в нашей сибирской сторонухе сельские поварни, ночлежки и дома для заезжих не отличались особым разнообразием. В лучшем случае, металлическая кровать или раскладушка, побелённые голые стены, весь в паутине и тенётах потолок над головой. Ну, что тут скажешь: далеко не “Метрополь”. Чаще всего во время работ в колхозах и совхозах нас определяли на постой в какую-нибудь семью, где хозяйка готовила, накрывала на стол, мыла посуду и стирала постельное бельё. В других хозяйствах не было и этого, дадут что-то наподобие матраса, набьёшь его соломой, застелешь застиранной простыней и укроешься затасканным суконным одеялом.

У Перевалова была вполне приличная сельская гостиница, раз в день под вечер наведывалась сестра-хозяйка, протирала пол и выносила скопившийся мусор. При размещении мы особо не выбирали комнаты, смотрели, чтобы не дуло из окон и не доставал уличный шум, понимая, что остановка здесь краткосрочная: сегодня — здесь, завтра — в другом месте.

Полёты по обработке полей химикатами требовали соблюдения определённых правил: работу мы начинали до восхода солнца и прекращали ближе к обеду, поскольку воздух прогревался, начинало болтать, более того, химикаты ветром могло снести на картофельные поля или, упаси Бог, пасеки. А это, считай, подсудное дело. Обедали мы прямо на аэродроме. Для экономии времени я попросил Перевалова привозить обед на аэродром, его стали доставлять нам в специальных флягах. После обеда шли в палатку, устраивались на раскладушках и ждали, когда солнышко покатит к горизонту, чтобы к вечеру, когда воздух успокоится, вновь начать полёты.

— Иван Егорович, пусть хоть цирк приезжает! — улыбнувшись, беспечно ответил я. — Мы в гостинице бываем-то, от силы, пять часов. Ну, потеснимся немного — экая беда!

Перевалов зашёл в гостиницу, дал распоряжение сестре-хозяйке, мы освободили от своих вещей одну из комнат и уехали на аэродром.

Но когда вернулись обратно, поняли, что прежней тихой и размеренной жизни не будет. За время нашего отсутствия гостиница подверглась нашествию амазонок. Гремела музыка, в коротких платяницах по двору и по коридору, пританцовывая, деловито сновали студентки, трясли постельное бельё, натягивали за окнами бельевые верёвки, взвизгивая и смеясь, примеряли на себя сарафаны и сапоги, хлопая дверьми, носились по коридору и комнатам, устраивали свои новые гнезда. Даже кухонный стол, на котором мы по вечерам пили чай, они приспособили под гладильную доску. Я остановился, глянул на пробегающих девочек и, кивнув на кухонный стол, строго спросил:

— Это ещё что за новости?!

— Аня, Ань, посмотри! Лётчики приехали! — поставив на стол утюг, воскликнула худенькая, похожая на подростка студентка. — Ужасно строгие!

Точно налетев на невидимое препятствие, проплывающая мимо практикантка притормозила, бросила на стол стопку белья и, растянув в улыбке губы, подбоченясь, дурашливо пропела:

*Мама, а я лётчика люблю.
Мама, я за лётчика пойду.
Лётчик высоко летает,
Много денег получает,
Вот за это я его люблю.*

Платье на певунье было явно из её прошлой, ещё школьной жизни, оно уже не справлялось с тем, что нахально лезло на свободу, но, судя по всему, практикантку это волновало мало. Коротким, заученным движением она одёрнула платье и, резко выдохнув, отбросила упавшие на лоб волосы, как бы давая понять, что готова защищать отвоёванную территорию.

— Невесте не помешало бы платье подлиннее надеть, — улыбнувшись, назидательно сказал я.

— А чего мне стесняться? Всё, что есть, всё при мне, — она крутанула задом, хохотнула и дурашливо, с вызовом, пропела:

*А не бери меня за талию,
А бери меня за грудь.
Ну, бери пока я добрая,
Ну, бери за что-нибудь!*

Честно говоря, я не ожидал, что мне вот так, в коридоре, какая-то соплячка начнёт устраивать концерт. И если бы только одному мне!

— Да откуда вас таких привели? — буркнул я, стараясь сохранить лицо и не перейти на предложенный мне развязный тон.

— Откуда-откуда, из детского приюта, — наслаждаясь моим оторопелым взглядом, всё с той же улыбкой ответила Аня и вместе с подбежавшими подругами тонким жалостливым голосом затянула песню генералов песчаных карьеров:

*Я начал жизнь в трущобах городских,
И добрых слов я не слышал.
Когда ласкали вы детей своих,
Я есть просил, я замерзал...*

— Ну, такие не замерзают. Такие сжигают! — вздохнул я.

— Вот это верно, — со смехом согласились Аня. — Сожжём вместе с вашим самолётом.

Разговор, если это можно было назвать разговором, следовало прекратить, что я и сделал, хотя и понимал: мой молчаливый уход в комнату могли счесть за бегство с поля боя. Но на этом выяснение, кто отныне здесь хозяин, не закончилось. Через минуту прибежал второй пилот Вадим Крупнов.

— Командир, ты выйди и посмотри. Что они себе позволяют?

В его голосе я почувствовал глухой вскрик человека, увидевшего последний день Помпеи. Не поленившись, вслед за ним я вышел на крыльцо гостиницы. На сколоченном из досок и скромно стоявшем в дальнем углу двора общественном туалете практикантки замазали заглавную букву метрополитена, которую Крупнов, узнав, что приезжают студентки, нарисовал красной краской на двери. Сейчас на месте буквы, утверждавшей наши права на беспрепятственное посещение важной во всех отношениях точки, красовался чем-то похожий на шестиногого краба герб амазонок. Мало того, по забору была нарисована зелёная стрелка, издевательски указывающая на ближайший лес.

— Я им этого так не оставлю, — тряхнул шевелюрой с красноватым отливом Крупнов. — Я им вывешу распорядок, чтоб знали, когда у нас подъём, отбой и что можно здесь, и чего нельзя. Всё-таки за нами право первой ночи.

Я уже знал, что Крупнов был из тех, кто если чего задумает, то исполнит обязательно. Но за ним в лётном отряде уже прочно закрепилась репутация чудака и раздолбая, его имя упоминалось почти на всех послеполётных разборах. Мне он достался, можно сказать, от безысходности: его перестали брать к себе в экипаж другие командиры, и тогда начальство предложило взять его на перевоспитание, мол, ты и книжки разные читаешь, и научить уму-разуму молодого пилота тебе ничего не стоит. Я почесал затылок, посмотрел на Крупнова: парень как парень, ростом высок, подтянут, на плечах молодцевато сидит лётный китель, в глазах горит огонёк и готовность исполнить любую просьбу. В голове мелькнуло: “Такой не найдёт, так сам набьёт”, — и обречённо махнул рукой: коли просят, надо брать, авось, и слетаемся. Для меня Крупнов был не первым и, судя по всему, не последним, кого мне сплавляли на перевоспитание. Считалось, что у меня не забалуешь. Ну, раз считают, то, хочешь или не хочешь, надо попытаться вправить таким мозги. И, надо сказать, не всегда, но что-то получалось.

На первый наш совместный вылет Крупнов пришёл в болтающемся около колен, потёртом кожаном планшете; его он не снимал, даже отправляясь на танцы, чтобы девушки могли сразу определить, что имеют дело не с каким-то простым техником, а с перспективным воздушным асом. Намётанным глазом я успел отметить, что необходимый в прежние времена, но подзабытый в последние годы планшет был удобен в работе. В нём Крупнов, кроме наставления по производству полётов, держал карту полётов, штурманские боржурналы, навигационную линейку, пластмассовый треугольник, ручку, цветные карандаши, ластики и даже бумажные салфетки, которые можно было использовать по любому поводу. Ему нравилось, что за приверженность к отжившим рудиментам в лётном отряде его в шутку называли сталинским соколом. Посмеиваясь, кто-то даже принёс ему выдавший виды кожаный меховой шлемофон и пилотские краги. Крупнов с удовольствием принял дары, более того, где-то приобрёл кожаную, тоже выдавшую виды лётную куртку

и в сильные морозы, бывало, приходил на вылет в одеянии полярного лётчика. Прихватил планшет, кожаную куртку, гитару, сказав мне, что в командировке всё может пригодиться. Я опасался, что он, чего доброго, прихватит в Еловку и зимнее одеяние, от такого можно ждать чего угодно. Но поскольку на дворе стояло лето, волчьи унты, чтобы не пугать деревенских собак, он решил не брать.

— Я этого дела так не оставлю! — сплюнув, пригрозил Крупнов.

— Что, подашь на девушек в суд?

— Я заколочу сортир гвоздями! — пообещал Крупнов. — Пусть сами бегают в лесочек. На войне, как на войне!

— Ну, ты не горячись, — примирительно сказал я. — Воевать с женщинами — пустое занятие. Тем более по такому поводу. Надо с ними как-то поладить. Скорее всего, это третьекурсницы — самые поровистые и непредсказуемые. Уже не робкие и послушные дети, но ещё и не взрослые. Всего хочется попробовать и самоутвердиться. Ты заколотишь, они в отместку подопрут нашу дверь колом.

Крупнов отвернул голову. Осенью, когда мы работали в Виденьщине, нас определили на постой в деревенский дом к молодой одинокой женщине. Как-то за разговором она пожаловалась, что не может найти человека, который бы помог заколоть поросёночка. Ну, мои хлопцы решили подставить своё твёрдое мужское плечо. Позже они признались, что видели, как это делают другие, более опытные в таком деликатном деле мужики, и сочли, что справятся. Но когда зашли в сарай и увидели поднявшегося им навстречу многопудового зверя, начали чесать головы. Отступать было поздно, тут уж, как говорится, пан или пропал.

Поправив авиационные фуражки, повалили кабана на бок, техник вторых ткнул ножом не туда, куда надо. Подраненный кабан, озверев от боли, бросился на техника. Тот подпрыгнул и залез на стропила, а Крупнов решил спастись через дверь. Но хозяйка для верности подперла её колом. И тогда Крупнов понёсся от разъярённого кабана вдоль стенок, а затем, подпрыгнув, нырнул головой в узенькое окошко. Кабан успел порвать ему штаны, ещё мгновение — вместе с планшетом оторвал бы и ноги, но второй пилот, вилая задом, ужом сумел выскользнуть во двор.

Как он потом сказал, его головушку спасла авиационная фуражка, а ноги — кожаная планшетка. Так что он отделался лёгким испугом. Конечно же, напоминание Крупнову о коле не добавило настроения сталинскому соколу, но в жизни бывает так, что одно событие открывает дверь другому.

К вечеру гостиницу накрыла вторая волна, теперь уже мужского нашествия. Вернувшись в село, мы увидели, что гостиница окружена машинами, тракторами и десятком мотоциклистов: все окружающие Еловку сёла вскобелились и принялись зазывать городских девчонок покататься на стальных конях. И девицы охотно вступали с ними в весёлую перепалку, а некоторые, самые отчаянные, забирались к парням на задние сидения и уносились прокатиться по селу. Тут впору заколачивать гостиничные окна и подпирать колыями все двери. Но, поскольку студентки оказались с нами под одной крышей, моему помощнику показалось, что они имеют некоторое преимущество перед мотоциклетной ордой.

Поняв, что с женщинами лучше не воевать, а искать точки соприкосновения, Крупнов расчехлил гитару, присел на ступеньки крыльца и, перебрав струны, шутливо пропел студенткам:

*По деревне с шумным интересом
Начались такие разговоры,
Будто ведьмы, выпорхнув из леса,
Исписали краской все заборы...*

Сделав удивлённые глаза, практикантки переглянулись, вперёд вышла Аня и в тон Крупнову ответила:

*Так давайте уберём заборы,
Не нужны нам эти споры-ссоры...*

И пошло, и поехало! Через несколько минут вокруг Крупнова собрались почти все практикантки, и я вдруг с удивлением обнаружил, что мой второй пилот стал для девушек самым востребованным человеком. Оказалось, он не только хорошо играет на гитаре, но сочиняет и поёт, да что там говорить: на ходу подметки рвёт. Было видно, что подобное открытие сделала и Аня: она буквально не отходила от него ни на шаг. И Крупнову она понравилась. Он принялся оказывать Ане всяческие знаки внимания, рассказывал лётные истории, жестикулируя, затем что-то стал показывать на планшете, и я понял: вопреки расхожему мнению, заборы не скрывают и даже не разъединяют, а вот планшеты объединяют, более того, при знакомстве с девушками могут стать незаменимой вещью, по ним можно прочертить или наметить новые, не известные досель маршруты.

Прямо на глазах мой второй пилот вырос до первого парня на Еловке. Всё бы ничего: сочиняй, передельвай чужие и пиши свои стихи. Меня беспокоило другое: теперь загнать Крупнова в постель будет стоять мне немалых трудов.

— Работа наша сложная, в ней нет мелочей, — разбирая очередной лётный день, говорил я, проводя профилактическую беседу. — Прошу особое внимание уделить отдыху. Отбой — в одиннадцать, подъём — в четыре утра. Остальные часы доберём послеобеденным отдыхом.

Сказал специально для него. И нутром почувствовал: просвистело мимо ушей. Встав ночью, я решил проверить, как исполняется моё указание, зашёл в комнату, где отдыхал экипаж, и увидел пустую крупновскую постель. Что ж, всё пошло так, как я и предполагал. Утром, когда мы сели в машину, чтобы ехать на аэродром, я шутиливо, с подковыркой, спросил у него:

— Ну, что нам сегодня снилось?

— Мне? — Крупнов удивлённо посмотрел на меня. — Да я на кухне обрабатывал хронометраж наших вчерашних полётов.

— Ты, случаем, не вписал туда правила нашего внутреннего распорядка?

— Только некоторые его положения. Например, Бог создал любовь и дружбу, Икар — авиационную службу. Ну, в общем, кто мало спит, тот не вредит. Показать? — Крупнов потянулся к планшету.

— Потом покажешь, что ты там нацарапал.

— Командир, не беспокойся, всё будет нормально, — зевнув, ответил Крупнов. — Гарантирую!

Ещё в детстве я слышал, что от рыжих можно ждать чего угодно. Своим поведением Крупнов решил подтвердить, что такие разговоры не беспочвенны, мне даже показалось, такому дай волю, он начнёт ходить на голове. Не успеешь оглянуться, что-нибудь да выкинет, потом хоть стой, хоть падай!

Казалось бы, прилетели в село, живём и работаем у всех на виду. Здесь к нам интерес особый: всё же не привычные глаза трактористы и комбайнеры, а лётчики! Ну, почти, как в песне: пионер — всем ребятам пример. Только отвернёшь голову, как этот пионер с лётной кокардой на голове несётся по селу на мотоцикле или садится за рычаги комбайна или трактора. Так и хотелось сказать: ну что, тебе самолётного штурвала мало!? Сиди, крути, наслаждайся. Так нет, такому и трактора мало. Однажды возле аэродрома оседлал кобылу. Решил и на ней прокатиться. Но она, почувствовав на себе неопытного седока, сбросила летуна на землю. Хорошо, что отделался ссадинами, могла и затоптать. Я пригрозил, что ещё раз увижу его на лошади, отправлю убирать навоз на конюшню. Притих, но ненадолго.

Через пару часов будильник сыграл подъём, подъехала машина. Зевая, Крупнов занял своё привычное место в “газике”, и мы помчались на аэродром. Техник снял с мотора чехол, мы освободили крылья от привязей и струбцин, затем протиснулись в остывшую за ночь пилотскую кабину. Привычно взревел отдохнувший двигатель, следом, заполняя стоявший в грузовой кабине бак, затарахтела помпа. Ночь была тёплой, долго прогревать двигатель не нужно. Мой помощник набросил на голову наушники, сообщил на базу о начале полётов. И понеслось, и поехало!

Мне нравились полёты на предельно малой высоте. После взлёта твои душа и тело становились как бы вживлёнными в самолёт, и ты уже автоматически, подсознательно, улавливая только землю, начинал работать штурвалом,

синхронно давить то на одну, то на другую педаль и шуровать рычагом газа. Вот, оставив крыло почти вертикально небу, заходим на обозначенное сигнальщиками поле, затем, проскочив его, круто берём вверх, разворачиваем землю в противоположную сторону. Начинается своеобразный воздушный вальс, земля то податливо подстилается под капот, то, задрвав подол, начинает крутиться вокруг невидимой оси, и небо, держа над нашими головами голубой зонтик, вслед за рубящим воздух винтом по дуге спешит следом. И так весь день, то взмывая, то приседая под грохот железного мотора.

Но в это утро, когда мне Крупнов поведал про хронометраж, что-то пошло не так, на втором или третьем полёте я почувствовал неладное, но сначала даже не мог сообразить, что произошло. Самолёт шёл ровным гоном над полем на высоте пяти метров, мотор держал обычную высокую ноту, боковым зрением я всё же глянул в сторону второго пилота и обомлел: тот спал самым наглым образом. Мне приходилось видеть, как пилоты засыпают в полёте. Но чтобы уснуть на предельно малой высоте! Старые лётчики говорили, что земля бывает пухом только отошедшим в мир иной, а мой сталинский сокол туда пока не собирался. Видимо, принял песнь железного мотора за колыбельную.

Я сделал очередной разворот, зашёл на дорогу, которая шла по кромке поля, и, снизившись, ударил на скорости передними колесами о землю. Крупнов подпрыгнул на сидении и попытался поймать руками штурвал.

— А ну сидеть! — рывкнул я и перевёл самолёт в набор высоты. Набрал положенные пятьдесят метров, развернулся в сторону аэродрома. После посадки молча зарулил на стоянку и выключил двигатель. Едва сдерживаясь, чтоб не обругать своего помощника, я застопорил рули и только после этого дал волю своим чувствам:

— Пошёл вон из кабины!

Крупнов начал оправдываться, что он всё понял и больше такое не повторится, дескать, он и сам не понимает, как это произошло.

— Иди отоспись, кобель! — жёстко прервал его я. — Ещё раз такое повторится, отправлю в город пешком. Или начну подпирать твою комнату колом.

Крупнов вышел из кабины, разделся по поясу, техник вылил ему на голову ведро холодной воды. И стал он похож не на боевого петуха, а на мокрого цыплёнка. Через пять минут он вернулся в кабину. Полёты пришлось продолжить, поскольку я понимал, что за нас нашу работу никто делать не станет.

А после обеда к Еловке подошла гроза, начался порывистый ветер, а следом по крыльям, как по огромному барабану, застучали крупные капли дождя. Мы привязали самолёт и начали собираться в Еловку. Пришлось доставать сапоги: деревенские дороги и улицы для дождя были, как и сто лет назад, совсем не приспособлены.

По пути в гостиницу водитель завёз нас в зернохранилище. Там случилась авария — ливень заполнил свежевскопанную траншею, вода нашла слабое место и, прорвав тонкую стенку, хлынула на работавших в хранилище девушек. Старшая над стройотрядовцами Юлия Сергеевна сняла с других участков студенток, и те, став цепочкой, вычёрпывали вёдрами ржавую воду и выливали её в близлежащую канаву. Но дождю не было до этого никакого дела, он сыпал Еловку, крыши домов, листья на деревьях, пенил лужи. Казалось, что ему не будет конца и края.

По дороге в сторону зернохранилища стекал мутный поток. Открывшаяся картина меня огорошила. Я не мог представить, что гроза и хлынувший следом дождь наделают столько бед. Больше всего меня тронули согбенные спины и плечи студенток. Передавая вёдра с глинистой жижей, тыльной стороной брезентовых верхонок они пытались навести на мокрых лицах порядок, но все попытки были тщетны, и казалось, что, мокрые и продрогшие, они слеплены из пластилина, и даже изредка прерывающийся шум дождя девичий смех был надорванным и усталым. И нельзя было понять, что скатывалось по щекам девушек, — не то слёзы, не то капли дождя. Должно быть, отправляясь в Еловку, они не предполагали, что придётся месить грязь и черпать навозную жижу из этого прохудившегося колхозного хранилища.

— Девушки, Бог в помощь! — крикнул Крупнов
— Девчата, посмотрите, боги нарисовались!
— Да какие там боги? Даже не ангелы, — подала голос знакомая мне Аня.
— Аня, а где ваше начальство? — спросил я.
— Начальство капусту высаживает. Говорят, самое то, под дождь. —
Аня на секунду замолчала и устало добавила: — Чтобы потом всё сгноить
здесь. А мы вместо водокачки. Чистили, подметали, денешки считали.
— А вы стрелку нарисуйте, чтобы вода в другую сторону побежала, —
съявил Крупнов.

— Мы вот возьмём и запишем тебя вместе с твоим планшетом в одно
место, — не осталась в долгу Аня. — Что приперлись, здесь не кино!

— Да вот соображаем, чем помочь, — примирительно сказал Крупнов.

— Если желаете помочь, берите вёдра.

— Тут бы не помешала мотопомпа, — сказал техник. — Может, под-
могнём? А так они вёдрами, как ложками, будут черпать эту жижу неделю.

— Вот что, девоньки. Мы сейчас помпу привезём! — громко сказал
я. — А вам бы не мешало одежду сменить. Ещё простынете.

— Вы посмотрите, какие заботливые!

— А ну, прикройте рты! — вдруг став на мою сторону, обрезала Аня. —
Может, люди действительно хотят помочь, а вам бы только зубы поскалить.

Техник, взяв с собой Крупнова, обернулся довольно быстро, привёз мо-
топомпу, бросил в зернохранилище серый брезентовый рукав. Выбросив си-
зый клуб дыма, заработала помпа, рукав ожил, построилел и округлился;
тугой струёй ржавая вода потекла из овощехранилища в канаву. А вскоре
подогнали бульдозер, водитель снял лезвием глину и быстро соорудил пере-
мычку. Студентки, присев на мокрое бревно, начали снимать сапоги и вы-
ливать из них воду. Ко мне подошла Аня и, махнув в сторону тарыхтевшей
помпы, спросила:

— Можно я вас ото всех наших девочек расцелую?

— Ну, это всегда пожалуйста. Но вам лучше в баньку, чтобы не про-
студиться.

— А вы её нам натопите?

— Нет проблем, — сказал Крупнов. — Кто желает, поднимите руки.

Девчонки вскинули руки, некоторые даже подняли обе.

— Вот и хорошо, принято единогласно. Я её сам натоплю. И если за-
хотите, сам и попарю. Лично!

— А не замаешься?

— Не бойтесь!

В гостинице стояли прохлада, сырость и тишина, казалось, дождь смыл
все звуки и оставил за собой право осыпать всё, что не было укрыто и что
пряталось под деревянными и шиферными крышами. В такой мокрый и по-
осеннему серый вечер единственным утешением оставалась гостиничная кро-
вать. Посматривая на низкие, сыплющие дождём облака, я подумал, что пе-
рекур нам весьма кетати; ломовая работа, состоящая из взлётов, посадок
и виражей на предельно малой высоте, отнимала много сил, и отоспаться
нам не помешало бы. А уж Крупнову непогода была и вовсе подарком. Но,
когда я спустя пару часов зашёл к нему, его в кровати не оказалось. Полу-
сонный техник сообщил, что второй пилот, скорее всего, уехал на аэродром
отвозить помпу.

— Помпу, говоришь? — переспросил я. — Так она в коридоре стоит.

— Ой, да, я совсем забыл! — начал оправдываться техник и, помолчав
немного, неожиданно признался: — Тут девчонки забегали, он с ними куда-
то пошёл.

— Неужели опять колоть кабана?

Я почувствовал, что закипаю. Ну, если захотел куда-то пойти, то преду-
преди, чтобы знать, где, в случае чего, искать. В конце концов — не дома,
мало ли что может произойти?

— По-моему, он в баню отправился.

— В баню, говоришь? — едва сдерживаясь, хмуро переспросил я. —
Ну, я ему сегодня покажу баню! Через час всем собраться на послеполётный
разбор в моей комнате. Я понятно говорю?!

— Понял, командир, понял. Чего тут не понять! — Техник почесал голову, и, помолчав немного, вдруг вспомнил: — Но нас ещё пригласили на спевки.

— Какие ещё спевки?

— Юлия Сергеевна, ну, старшая над ними, попросила. Они к какому-то концерту готовятся.

— Мы что, сюда на гастроли приехали? В девять прошу всех ко мне. Нам есть, о чём поговорить!

Я ушёл к себе в комнату и, поразмышляв немного, решил, что пора принять меры. Неплохо, если моим союзником станет Юлия Сергеевна. Мне подсказали, где её найти, я постучал в дверь. Она вышла в голубом халатике, в шерстяных носках и тапочках из овчины. В руках у неё была книга.

— Что-то случилось? — запахнув на груди халатик, откашлявшись, спросила она. — Честно говоря, я вас не ожидала.

— Я тоже не ожидал, что мой второй пилот будет спать в полёте, — невпопад буркнул я.

— И что? Чем я вам могу помочь?

Я замаялся, меня смутили глаза моей собеседницы. Юлия Сергеевна смотрела на меня с каким-то недоумением, видимо, не ожидала, что я прямо с порога начну жаловаться на своего второго пилота.

— Да я хотел познакомиться, поговорить. Может, следует вести себя тише.

— Спасибо, вы нас очень выручили. Девочки не знают, как вас благодарить. Мы здесь и так тише травы и ниже воды.

Юлия Сергеевна давала мне возможность выйти из неловкой ситуации, напоминая, что при знакомстве лучше говорить о хорошем, чем о плохом.

Я оглядел комнату. Была она ухоженная, шторы, чистые простыни. Кровать так аккуратно прибрана, что остался бы доволен даже наш старшина в лётном училище. Кто ей прибирал? Скорее всего — сама. Видно, что приучена к порядку. На столике — термос, белые кружки, банка кофе. И даже бигуди. Нанесло чем-то тёплым, домашним. Почему-то вспомнился натоптанный мокрый пол в наших комнатах, где в дождь было всегда сыро и неуютно. Чего тут скажешь — командировочные, и все тут!

— В общем-то, обычное дело: мы — вам, вы — нам, — перестраиваться на ходу я не привык, а повернуть разговор в нужную сторону не получилось, голос выдал меня с головой, и пришлось юлить, как деревенской дворянке. — Как говорится, чем могли.

Я замолчал, и тут же, сломав повисшую паузу, добавил:

— Вообще-то мы здесь занимаемся прополкой.

— Наслышаны. Каждый день над нашими головами выделяете такие кульбиты.

— Что есть, то не скроешь, — засмеялся я. — А вообще-то пропалывать надо не только сорняки.

— Сколько вам лет?

Вопрос Юлии Сергеевне застал меня врасплох. Какое значение имеет мой возраст?

— Знаете, я уже в возрасте Мафусаила.

— Для Мафусаила вы хорошо сохранились.

— Да и вы промчитесь стометровку, не запыхавшись.

— Спасибо, вы очень наблюдательны. Что, в лётном начали преподавать Библию?

— Что-то давали, а что-то додумывали сами. Например, Бог создал отбой и тишину, а чёрт — подъём и старшину. Есть и другая байка: Бог создал любовь и ласку, человек — самолёт и каску.

— Верно, даже самолёт превратили в орудие, — вновь откашлявшись, сказала Юлия Сергеевна.

— Но почему же, это орудие может и пользу приносить, например, в санитарной авиации. Вам бы сейчас не помешало пойти в баню. Или таблетки принять. У нас есть аптечка.

— Спасибо. В бане я уже была, сейчас девчонки пошли. От вашей химии не только сорняки, но и пчёлы дохнут.

— Бывает.

— Если бы пчёлки знали, то облетали бы ваш аэродром за тысячу вёрст.

— Если бы я знал, что к нам в гостиницу залетят не одна-две пчелы, а целый рой...

— Мы здесь не прохлаждаемся, а работаем, — прервала меня Юлия Сергеевна.

— И мы работаем. Плохо или хорошо — не вам судить.

— Вы что, пришли ругаться?

— Я пришёл, чтобы скорректировать некоторые принципы совместного проживания.

— Витиевато, но, в общем, понятно. Но мы с вами не состоим в браке.

— Но живём-то под одной крышей.

— Ваш пилот, ну, тот, что ходит с планшетом, нам не мешает. Да и наши девочки к нему хорошо относятся. Поёт, играет на гитаре. Всё остальное, извините, ваши заботы.

— Мои заботы — прополка...

— Вот и занимайтесь ею, — резко перебила меня Юлия Сергеевна. — Девочки уже взрослые, пропалывать и причёсывать их я не намерена.

— Но так дальше нельзя!

Я не хотел уступать, хотя и понимал всю бесполезность этого разговора. Было видно, что не на ту попал.

— Вы знаете, как можно? — Юлия Сергеевна сделала паузу. — Вообще-то, жизнь проста. И не надо её усложнять.

— Да уж, проще некуда, — вздохнул я. — Ели, пили, веселились, а наутро прослезились.

— Я ещё раз повторю: это не моя забота.

И тут, глянув в окно, я увидел, как по улице от сельской бани по направлению к гостинице идут Крушинов и Аня. Не обращая внимания на моросящий дождь, они о чём-то оживлённо беседовали. На Ане была надета лётная куртка Крушинова, на голове повязано белое полотенце. Голова второго пилота была укрыта от дождя кожаным шлемом. Честно говоря, я и не подозревал, что он и его прихватит в командировку.

— Вот, возьмите Аню. — Юлия Сергеевна, проследив за моим взглядом, улыбнулась своим мыслям.

— Оторва, — сказал я. — Такой концерт здесь устроила.

— Древние римляне говорили: любовь и кашель не скроешь, — уже другим, тихим, под впечатлением от увиденного голосом проговорила Юлия Сергеевна. — Аня — детдомовская. Живёт с сестрёнкой без отца и матери. Кстати, родилась она в Еловке. Мы договорилась с Приваловым, что нам, как и положено, зачтут практику. Кроме того, мы заключили с ним договор. Он взял на себя наше питание и ещё заплатит трудодни.

Юлия Сергеевна сделала паузу, должно быть, решала: можно ли и дальше раскрывать мне свои секреты?

— А куда деваться? Попробуйте, проживите на одну степёшку. Анна у меня за старшую. Это с виду она такая, за словом в карман не полезет. Местные, да и не только они, нередко её осуждают, иногда даже подсмеиваются, потому что не понимают. Она, как и все, ранима. Но когда возьмётся за дело, у неё в руках всё горит. Таких поискать надо. Кто быстро судит, тот быстро и ошибается. Судить о людях, не зная их, — себе вредить.

У меня вдруг возникло ощущение, что она не ровесница моя, а намного старше и знает то, о чём я раньше и не догадывался. Я уже не знал, для чего сюда зашёл и что мне делать дальше. Но уходить не хотелось. Она была права: собрался судить о других, а в своём огороде не разобрался: что полоть, что поливать.

Мой взгляд упал на книгу, которую она держала в руке.

— Бунин?

— Да, из местной библиотеки. Прозу уже кто-то передо мной взял, осталась только поэзия. Хотелось почитать его "Деревню". Сравнить, как было и как стало.

— Это я взял. Зашёл посмотреть, гляжу — Иван Алексеевич.

— Вы говорите так, будто с ним тысячу лет знакомы.

— Самую малость. “Тёмные аллеи”. А из стихов, пожалуй, это: “И цветы, и шмели, и колосья, И лазурь, и полуденный зной. Срок настанет, Господь сына блудного спросит, был ли счастлив ты в жизни земной ...”

— Интересно. А я думала...

— Что “первым делом самолёты”?

Юлия Сергеевна посмотрела на меня с какой-то усталой улыбкой,

— Что же мы стоим? Хотите чаю? У меня хороший, индийский, “Три слона”.

— Не откажусь. На улице промозгло.

— Да что там, холодно!

Юлия Сергеевна налила в кипятильник воду, достала пачку чая. Я глянул на тумбочку — таких, в гостинице я не встречал.

— Это мне Иван Егорович привёз, — поймав мой взгляд, сказала Юлия Сергеевна. — Чтобы чувствовала себя здесь, как дома. Вы что, любите Бунина?

За стенкой послышался знакомый гитарный перебор, второй пилот явно не торопился на вечерний разбор. Я прислушался. Судя по всему, начались обещанные техником спевки. Уже слышанную мною и уже на свой лад переделанную песню Крупнова на слова Исаковского теперь уже запели практикантки:

*По деревне с шумным интересом
Много бабы говорят такого,
Будто Аню видели за лесом
Да с пилотом Вадиком Крупновым.*

*Будто в полночь месяц на откосе
Растерял серебряные кольца,
И взасос на скошенном покосе
Целовала Аня комсомольца.*

Поющие девчонки рассмеялись. Немедленно последовал ответ, я услышал бас второго пилота. Но больше всего меня удивило, что ему старательно подтянули техник с мотористом. И эти не торопились ко мне в комнату на вечерний разнос:

*Только где же это было видно,
Чтобы Аня уходила за лес,
Это бабам попросту завидно,
Что они своё отцеловались,*

*Что теперь привязаны к ухватам,
Что мужьям достались на издёвку,
Вот они и шляются по хатам
И порочат молодую дёвку.*

— Люблю не только Бунину, было время, читал Фёдорова, Рубцова, — сказал я. — А это, — я кивнул в сторону стенки, — старые, переделанные вашими поэтессами строчки Исаковского.

— Девчонки, видимо, решили развлечься, — засмеялась Юлия Сергеевна. — Иван Егорович попросил, чтобы мы в клубе выступили с концертом для селян. Вот они и подбирают репертуар. Хулиганки! Порою я и сама не понимаю, откуда у них силы берутся?

— Голосистые артистки, — согласился я. — Попади таким на язык, они ради красного словца не пожалеют и отца. Ты скажи: быстро спелись!

— Да они по-другому не могут! — рассмеялась Юлия Сергеевна. — Не могут разделить свою жизнь на работу, а потом, отдельно по графику, на любовь и танцы. Живут и радуются. Ну, стань им поперёк, что получится?

— Стихия, — точно переползая через какое-то в себе препятствие, согласился я. — С нашими полётами, бывает, за всё лето ни одной книги не прочтёшь. Но, по возможности, всё же пытаюсь. И не только Бунина.

Я поймал себя на том, что, жалуясь на нехватку времени, одновременно хочу похвалить себя, мол, не отстаю от жизни и тоже интересуюсь новинками.

— Например, недавно прочитал Михаила Булгакова, — сообщил я. — “Мастера и Маргариту”.

И не предполагал, что здесь наши интересы совпадут.

— Что предопределено, то случится, — задумчиво сказала Юлия Сергеевна. — Аннушка уже разлила масло. — И, помолчав, добавила: — Одно время я занималась бальными танцами. Думала, что это моё призвание. Кстати, некоторые мои девочки и здесь находят время танцевать.

— Мы, как и ваши девочки, можно сказать, тоже занимаемся танцами. Только в воздухе. Со стороны, наверное, это похоже на вальс железного гуся, который весь день крутится вокруг своего хвоста. Хочет ухватить, но не может.

— Забавно, — Юлия Сергеевна рассмеялась. — И вам не страшно?

— Если с этими мерками подходить, то всё страшно: летать, ездить, вообще жить.

Скрипнула дверь, в комнату заглянула Аня. Уже без полотенца на голове, с высокой, прихваченной разноцветной лентой причёской, в тёплой вязаной кофте, посвежевшая, глаза весёлые, ну, настоящая деревенская красавица!

— Юлия Сергеевна, мы вас ждём, — с любопытством стрельнув в мою сторону чёрными глазами, сказала она. И тут же доверчиво, хорошо, как старому знакомому, предложила: — И вы давайте к нам. Ребята вас уже потеряли.

— Так уж и потеряли?

— Я сейчас подойду, — торопливо, точно оправдываясь, сказала Юлия Сергеевна. — Вот выпью чаю и приду.

Я поймал себя на том, что мне не хочется уходить. Вот так бы сидеть, слушать Юлию Сергеевну, смотреть на её открытое лицо, губы. У неё они были точно наполнены свежим брусничным соком. Иногда она, будто невзначай, прикусывала их. Может, чего-то ждала от этого разговора?

Выпив чашку чая, я ушёл к себе.

Ночью лежал, вспоминал разговор с Юлией Сергеевной. “Она же старшая, работать, как другим, не надо, — думал я, — только присматривай. Вот я и пошёл, чтобы сказать, мол, давай-ка, голубушка, присматривай за своими девчонками! Конечно, жизнь в селе не сахар; клуб на замке, кино только по воскресеньям. Хорошо хоть библиотекарьшу разыскала. Да и мысли мои, самые что ни на есть правильные: на первом месте не книги, а полёты и дисциплина в экипаже. Чего меня бояться, пришёл поговорить, поделиться мыслями с человеком, у которого своя команда, можно даже сказать, экипаж. Держал себя с ней в рамках. Хотя мы и были наедине, но она не дала повода. Да и я не набивался в друзья-товарищи, разговор получился деловым и, если прислушаться к нему со стороны, наверное, скучным”.

Я не любил, когда в нашей работе возникали непредвиденные паузы. Когда не знаешь, куда себя девать. Кровать, столовая, снова кровать. Хорошо, если есть клуб или прихваченная с собой книга. А ведь рядом, всего лишь за тонкой стенкой гостиницы, протекала другая жизнь, где нашлось место домашнему теплу, песням и даже танцам. Раньше мне почему-то казалось, что говорить в селе про театр или концерты как-то неприлично. Но оказывается, не только можно, но и нужно. Пусть себе дождь капает с крыш, ему тоже отведено особое место, и он вершит свою работу. Не будь его, всё засохнет, и можно положить зубы на полку.

“Наше дело такое — поливай поля, потом домой, на базу. И в отпуск. Как сами шутили: “Хим-дым, потом в Сочи или в Крым!” — переворачиваясь с боку на бок, размышлял я. И так из года в год. Иногда подтрунивали над собой, что кого-то отправляли “отбывать срок на химию”. Мы же

ехали по собственной охоте, за длинным рублём. Платили там гораздо больше, чем на рейсовых полётах. Тот, кому не доставались профсоюзные путёвки, отработав лето в селе на этом самом хим-дыме, отправлялся на Байкал. Море, только пресное, почти под боком. Заезжали на рынок, брали, что надо, сверху прихватывали ящик водки, всем говорили, что поехали на рыбалку. А там омуль, уха, шашлыки! Пей, ешь, гуляй, пока молодой! Чтобы потом можно было похвастаться перед знакомыми: съездили, отдохнули — лучше некуда. А если разобраться: света белого не видели! Одна надежда грела душу — подойдёт и твоё время, переучат на другой самолёт. И начнёшь летать по большим городам и всеям, будешь чихать с огромной высоты на эти деревушки, где всё, как и сто лет назад.

“Только та, бунинская деревня давным-давно отъехала в мир иной, — думал я, припоминая наделавшую шуму забытую повесть писателя. — Нынешняя деревня, вернее, село заполнено уже другими людьми. Но пьют, и гуляют, и на языке том же разговаривают.

Почему-то из головы не выходила строчка “они своё отцеловались”. Это поэт сказал, а они видят куда дальше, чем остальные. Одним словом, поставил штамп — дальше безнадёга! Выходило, жизнь, едва начавшись, тут же закончилась, бери лопату или хват. И штурвала уже не будет, его возьмут в руки другие. И села — все эти Еловки, Сосновки, Виденьщины — останутся в прошлом.

Выпускаясь из училища, в новенькой лётной форме, расставаясь на железнодорожном вокзале, мы, обнявшись, пели:

*Пилоты мы, пилоты мы, пилоты,
Весёлая и дружная семья.
Полжизни подарил я самолёту,
А остальное прожил для тебя.*

Были в песне заключительные, тогда ещё не совсем осознанные нами строчки о будущей лётной работе:

*И будешь ты химичить в Ашхабаде,
А я возить картошку в Магадан.
И будем колесить мы, как цыгане,
Такой, друзья, нам курс по жизни дан.*

Всё сбылось: день-ночь, зима-лето, рёв мотора. И что за спиной? Сколько ещё мне нянчиться со взрослыми оболтусами в лётной форме? К женщинам у меня было ровное, спокойное чувство, они проносились мимо, как ласточки, не задевая, лишь сотрясая воздух, не более того. А вот поговорил с Юлией Сергеевной и понял, что в жизни есть что-то такое, от чего не скроешься на всех этих сельских и таёжных аэродромах. Я долго и молча смотрел в тёмный потолок. Блуждающие в потёмках мысли неожиданно наскочили на строчки Василия Фёдорова: “По главной сути, жизнь проста. Её уста, его уста...” Я улыбнулся: “А может, стоит, как Крупнову, завести планшет?”

Дожди, как и лето, в Сибири короткие. К утру вновь выглянуло солнце, и всё пошло по привычной, проторённой дорожке. Едва за околицей над лесом вспыхнуло утреннее небо, как всё живое, что радуется предстоящему теплу, жизни, свету, тут же дало о себе знать; свежий ветерок шевельнул народившиеся листья и разнёс по округе сырые запахи дворов и огородов. И день начался весело, с петушиных криков, с голубиной воркотни из-под крыши; опередив нас, в высокоом и чистом небе начался стремительный полёт стрижей и ласточек; где-то неподалёку, задавая ритм нарождающемуся дню, принялся сечь утреннюю тишину трактор. Природа пекла пироги, не приспособиваясь и не подлаживаясь под настроения людей; наоборот, люди под музыку нарождающегося дня приступили к своим обычным делам. После прошедшего дождя воздух был лёгок, мягок и свеж, точно на землю сошла небесная благодать; и все растения понимали, что времени на тепло и солнце

отпущено немного, и надо успеть сделать то, к чему природа готовилась долгой зиме: распусться, распушиться, показать себя во всей красе и дать очередные всходы.

Чтобы отвлечь свой экипаж от соблазнов, у меня, после разговора с Юлией Сергеевной, возник план поменять место жительства и переехать в дом для сезонных рабочих, который располагался на территории бывшей церкви.

Перевалов сохранил её от разрушения. Крест с шатра его всё же заставили убрать, но само помещение он превратил в клуб, разместив там сельскую библиотеку, а в трапезной, когда случался наплыв сезонных рабочих, жили комбайнеры и шофера. Чуть ли не каждый год клуб подкрашивали, поправляли жестяную крышу и шатёр. Делали это для того, чтобы своим видом она радовала глаз всех, кто проезжал и пролетал мимо.

— Вот здесь будешь замаливать свои грехи, — сказал я Крупнову, когда мы с ним зашли в бывшую церковь.

— А ты что, будешь вместо батюшки?

— Я тебе буду и батюшкой, и матушкой одновременно.

— Боженка высоко, и мы на своём аэроплане до него не достанем, — глубокомысленно протянул Крупнов.

— Ничего, если понадобится, я помогу. Так вломлю — взлетишь выше крыши.

— Командир, это уже насилие! — воскликнул Крупнов. — Тем более, одна из заповедей гласит: “Не убий!”

Я молча, уже внимательнее оглядел своего второго пилота. С Библией в школе, да и в училище нас не знакомили, но кое-что всё же сохранялось в головах. Оказалось, и сталинский сокол мог при случае вспомнить Нагорную проповедь.

Осмотрев помещение, я решил, что переезжать сюда на несколько дней не имело смысла: в домике для приезжих было мрачновато, пахло затхлостью и мазутом.

“Даже сосланный в Сибирь протопоп Аввакум остался бы в гостинице”, — с усмешкой подумал я.

Вот в этом клубе по просьбе Перевалова и предполагали дать концерт наши практикантки. Но всё испортил Крупнов.

За несколько дней до окончания нашей командировки, вечером, когда мы уже было собрались зачехлять двигатель, откуда-то с дороги прибежал мой второй пилот, и из его сбивчивого рассказа я понял, что он только что чуть не убил Аню.

— Когда это ты успел? — оторопело спросил я. — Говори толком, что произошло?!

— Да я попросил у сторожа мотоцикл, решил прокатиться. Налетели колесом на камень, повело, и мы свалились в кювет.

— Где она? Что с ней!

— Сейчас подвезут. Там Юлия Сергеевна. Она наложила ей жгут. Что-то с рукой. Сам не понимаю, как такое могло случиться

“Час от часу не легче!” — мелькнуло у меня в голове.

— Вот и доверь руль дураку! — не удержавшись, выругался я. — Прокатил любушку до ближайшего кювета.

— Да я не думал, что так произойдёт!

— Что, у тебя есть место, которым можно думать? — усмехнувшись, спросил я. — Он, видите ли, не удержал руль. Могу ли я тебе вообще доверять штурвал?

Лицо Крупнова стало серым и кислым, мне показалось, что он вот-вот расплачется. Я молча оглядел свой сельский аэродром, стокубовый заржавевший бак с водой, повисший тонкой кишкой полосатый конус, серые полотнища по углам аэродрома, притихший самолёт и таких же притихших, с озабоченными лицами техника с мотористом.

Как иногда говорят в авиации, дело запахло керосином. Если начнётся разбор, как пить дать, обвинят экипаж. И персонально меня как командира.

В экипаже нет чужих ошибок, все твои. Всыплот по первое число; скажут, не досмотрел, распустил своего второго. Если бы он свернул себе шею, куда ни шло, а тут, на тебе, чуть не убил постороннего человека. Впрочем, не постороннего. Я вспомнил, как Аня шла под дождём в лётной куртке Крупнова. Не шла, а плыла. И вот, на тебе — приплыла.

Через минуту на аэродром прикатил “газик”, Юлия Сергеевна привезла раненую Аню. Была она бледной и всё время старалась прикрыть здоровой рукой разодранные на коленях джинсы. Меня поразили её взгляд: Аня смотрела на всех спокойными и как бы извиняющими глазами,

— Надо бы её отвезти в больницу, — подавленно выдал из себя Крупнов. — Говорят, жгут долго держать нельзя,

— Ты же знаешь, у нас не санитарный самолёт, — тихо сказал я. — Как мы её повезём?

— Ближайшая больница в Усть-Орде. Ехать туда на машине часа два, а в город и того более. Нам, туда-сюда — двадцать минут, — хлопая белёсыми, ну, словно щётками по лобовому стеклу автомобиля, ресницами, взмолившись, зачастил Крупнов. — Аня может лишиться руки!

Я стиснул зубы. Вот так всегда! Катаются одни, а разбираться и отвечать приходится другим. Когда я летал по санитарным заданиям, мне приходилось иметь дело с больными. Но переоборудованный под авиационно-химические полёты самолёт был совсем не приспособлен к перевозке пассажиров, тем более, больных. Кроме того, даже для экстренного полёта нужно было согласование со всевозможными службами, нужно было получить разрешение командования авиаотрядом. Я хорошо понимал: если я сейчас попрошу разрешение на полёт, хоть умри — мне его не дадут.

До Усть-Орды десять минут полёта. Запросить диспетчера, пусть вызовет “скорую”. Скажу, что летим на дозаправку, раньше, когда вовремя не приходил бензозвон, мы уже делали такие ходки. Узнав о моём решении лететь в Усть-Орду, Крупнов схватил Аню и попытался занести её в самолёт. Но она, отодвинув его, сама поднялась в грузовую кабину.

— Ой, как тут у вас пахнет больницей, — зажав пальцами нос, сказала она.

— Можно, я полечу с ней? — попросила Юлия Сергеевна.

— Конечно, — разрешил я.

Мы положили Аню на чехол, Крупнов снял с себя лётную куртку и заботливо подсунил ей под голову.

— Соломки бы подстелил, — усмехнувшись, уже без прежней злости сказал я. — И где твоя башка была раньше?!

Запустив двигатель, мы пошли на взлёт. Уже в воздухе я связался с Усть-Ордой и по резервной связи попросил, чтобы к нашему прилёту вызвали неотложку. Диспетчера я хорошо знал, он ответил коротко: “Понял. Будет сделано!”

Сразу же после посадки к дверям самолёта подъехала “скорая”, санитары сопроводили Аню в машину, следом к нам подрулил топливозаправщик, и через пятнадцать минут мы были в Еловке. Там нас уже ждал Перевалов. Он сообщил, что позвонил в Усть-Орду главному врачу больницы.

— Ничего страшного, — успокоил он нас. — Недельку походит с гипсом, а потом хоть под венец. У молодых всё заживает быстро.

— Иван Егорович, я тебя попрошу об одном. Об этом полёте лучше всего помолчать. Узнают — всыплот по первое число.

Перевалов, как и усть-ордынский диспетчер, ответил коротко:

— Понял!

В последний вечер, когда мы объявили, что наша работа в Еловке закончилась, девчонки сразу же погрустнели, затем пошутукавшись с Юлией Сергеевной, сказали, что сделают для нас в гостинице прощальный вечер. И своё слово сдержали. Быстро переоделись и вышли все, как на подбор, в одинаковых коротких белых юбочках и спортивных майках. Церемонно, одна за другой, поклонились зрителям, отдельно нам. Юлия Сергеевна подала команду, послышалась знакомая музыка Чайковского, и, синхронно перебирая стройными ножками, держась за руки, девчонки двинулись сначала

в одну, затем в другую сторону. Пожалуй, еловская гостиница за всю свою историю ещё не видела танца маленьких лебедей. Танцевали девчонки босиком. Много позже, когда я смотрел “Лебединое озеро” в исполнении профессиональных балерин, я вспоминал танец практиканток, как девчонки старательно перебирали ногами, желая удивить и порадовать нас, и ещё — как они возле зернохранилища выливали ржавую холодную воду из сапог. Вспоминал и глотал невольно подступающие к горлу слёзы.

После их выступления включили радиолу, и начались танцы. Одёрнув лётную куртку, я пригласил Юлию Сергеевну. Танцевала она легко, неувовимо подлаживаясь под мои неуклюжие движения, затем взяла инициативу в свои руки, двигалась без малейших усилий, предупреждала мои неловкие ходы и судорожные подскоки. И, о чудо! Постепенно начало получаться, я даже поймал себя на том, что мы стали парой.

— Вот так, правильно, зафиксируй носочек, — подбадривала она меня. — А здесь, вроде бы расходясь в разные стороны, делаем крутой поворот, вновь становимся лицом к лицу и смотрим глаза в глаза. Для танца нужны двое, как у вас в авиации, — ведущий и ведомый.

— Капитан — второй пилот, — ответно улыбнувшись, поддержал я. — А у нас действительно получается!

— Главное, как и в жизни, вовремя убирать ноги, — засмеялась она.

— Чтоб не оттоптали, — уточнил я. — И всё-таки здесь нужно умение. Вот его-то мне и не хватает!

— Это дело наживное. Тренировки и ещё раз тренировки.

Признаться, мне нравился её доверительный говорок, лёгкое дыхание, нравилось ощущать тепло рук и мимолетные прикосновения её крепкого, упругого тела.

После танцев мы вышли подышать свежим воздухом. На Еловку опустилась ночь, небо было высоким и хрустально прозрачным, каким оно может быть только в Сибири. Лишь в самой его шапке уже проклоннулись звёзды, которые могло прополоть только утро. Пряно пахло травой, мне казалось, что над нами распростёрлась вечность; всё имело свой вес и предназначение; то, что происходило сейчас, уходило в прошлое, но не исчезало, а откладывалось в своё, только ему предназначенное место. И существовало там до времени.

У Юлии Сергеевны на плечи был накинут мягкий пуховый платок. Прямо во дворе гостиницы паслись кони, в темноте их можно было распознать по бряканью ботала. Я предложил присесть на лавочку, она, немного помявшись, согласилась. Укрыв колени платком, глянула на меня близкими глазами и, кивнув на окна гостиниц, сказала:

— Девчонки устроили нам и себе праздник.

— Ну, как там Аня? — спросил я.

— Да всё вроде в порядке, заживает, — улыбнувшись, ответила Юлия Сергеевна. — Она мне сказала, что ваш помощник звонит в больницу каждый день.

— Это правда. Иван Егорович смеётся, говорит, вычту из зарплаты за все переговоры.

Юлия Сергеевна неожиданно замолчала, затем, кивнув на светлые окна гостиницы, тихо рассмеялась:

— Нет, вы только послушайте!

Девчата хором пели давно забытую, но такую близкую в эту минуту песню:

*Смотри, пилот, какое небо хмурое,
Огнём сверкает тёмной тучи край,
Суровый день грозит дождём и бурей —
Не улетай, родной, не улетай!*

И тут, сам того не ожидая, я обнял Юлию Сергеевну, она, как в танце, качнулась навстречу и, вздохнув, устало положила голову мне на плечо. И я вдруг ощутил, что лечу, несусь над землёй на предельно малой высоте,

и в руках у меня не мягкие женские плечи, а какой-то тёплый, неземной штурвал, и звёздное небо запрокидывается куда-то за голову, а после и во-все, сблизившись, обнимает, прикасается уже и к моим плечам, и лёгким своим ночным дыханием осторожно шевелит волосы.

— Признаться, я думала, что имею дело с железным человеком. — Юлия Сергеевна рассмеялась. Я вспомнил своё сравнение самолёта с железным гусем.

— Живой, живой и даже тёплый, — облегчённо засмеялся я в ответ.

На другой день студентки поехали высаживать капусту, а мы, собрав свои вещи, отбыли на аэродром. Наша работа в Еловке закончилась. Мы взлетели, сделали круг над селом, над работающими в поле девочками и взяли курс на город. Я передал управление второму пилоту, вспомнив, что ещё недавно выговаривал Крупнову: пересып на спине, а недосып на лице. От монотонного рёва мотора и меня начало клонить ко сну, глаза слипались, ну, хоть спички подставляй. Поглядывая на медленно наплывающую под самолёт землю, я подумал, что вот ещё один кусочек неповторимой и насыщенной деревенской жизни остался за спиной. Спрятав нас в своё нутро, подрагивающий на воздушных кочках железный гусь обещал выпустить нас после посадки, но уже в другой, шумливой и, в общем-то, безразличной ко всему городской жизни, где не будет практиканток, Ивана Егоровича Перевалова и, самое грустное, не будет неповторимого очарования прощального вечера, устроенного нам в сельской гостинице.

Поздней осенью, когда я возвратился из отпуска, ко мне подошёл Крупнов, раскрыл свой лётный планшет, достал белый конверт.

— Командир, благослови! — церемонно сказал он. — Приглашаем тебя на свадьбу. Ты её знаешь. Она с Еловки. Помнишь Аню? — И, помявшись, добавил: — У нас уже скоро и ребёночек будет.

Я беззвучно рассмеялся, почему-то в голове мелькнули слова Юлии Сергеевны, что, по главной сути, жизнь проста и что предопределено, то и должно случиться.

— Во-первых, я тебе не батюшка! — шутливо поправил я Крупнова. — Лучше обратись к настоящему, в церковь. Аню я не забывал. Таковую вряд ли забудешь. Кстати, мне про неё Юлия Сергеевна недавно рассказывала. Она уже дала ей добро, тебе этого хватит?

— По за глаза! — Крупнов провёл ладонью по шее.

— Смотри, не свали её и сам не свались по дороге. Штамп в паспорт — это начало. Сработал, можно сказать, даже с опережением. Здесь ты уж точно не проспал.

Лицо Крупнова расплылось в улыбке.

— Кто мало спит, тот не вредит! Одно из правил внутреннего распорядка. Я его держу не в планшете, а здесь, — Крупнов указательным пальцем постукал себя по голове.